

<https://helda.helsinki.fi>

---

pÿ C A A : 8 5 ! > N 2 5 = 0 ; L = > 9 N A B 8 F 8 8 2 \$ 8 = ; O = 4 8 8
pÿ < 0 = 8 ? C ; O B 8 2 = K 9 4 8 A : C @ A : 0 : > 1 J 5 : B 8 7 C G 5 = 8 O
pÿ D C = : F 8 > = 0 ; L = > 3 > A 8 = B 0 : A 8 A 0 (= 0 < 0 B 5 @ 8 0 ; 5

Kassikhina, Anna

2013-09-24

---

pÿ K a s s i k h i n a , A 2 0 1 3 , C A A : 8 5 ! > N 2 5 = 0 ; L = > 9 N A B 8 F 8 8 2 \$ 8 = ; O = 4 8 8
pÿ 4 8 A : C @ A : 0 : > 1 J 5 : B 8 7 C G 5 = 8 O 2 @ 0 < : 0 E D C = : F 8 > = 0 ; L = > 3 > A 8 = B 0 : A 8 A
pÿ = B 5 @ = 5 B - 8 7 4 0 = 8 9) . i n P o l i t i c a l C o m m u n i c a t i o n : T h e P r o c e e d i n g s o f
C o n f e r e n c e . v o l . 4 , Y e k a t e r i n b u r g , p p . 1 3 5 - 1 4 1 , P o l i t i c a l C o m m u n i c a t i o n , Y e k a t e r i n b u r g ,
R u s s i a n F e d e r a t i o n , 2 4 / 0 9 / 2 0 1 3 .

<http://hdl.handle.net/10138/152799>

---

acceptedVersion

Downloaded from Helda, University of Helsinki institutional repository.

This is an electronic reprint of the original article.

This reprint may differ from the original in pagination and typographic detail.

Please cite the original version.

А. В. Кассихина. Русские СМИ о ювенальной юстиции в Финляндии: манипулятивный дискурс как объект изучения в рамках функционального синтаксиса (на материале Интернет-изданий)//Политическая коммуникация: материалы Междун. науч. конф. (Екатеринбург, 24-26.09.2013) / гл. ред. А. П. Чудинов ; ФГБОУ ВПО «Урал. гос. пед. ун-т». – Екатеринбург, 2013. – С. 135-141.

**Русские СМИ о ювенальной юстиции в Финляндии: манипулятивный дискурс
как объект изучения в рамках функционального синтаксиса (на материале Интернет-
изданий)**

Манипуляция как лингвистическое явление изучается относительно недавно. Оно привлекло внимание языковедов в связи с тем, что средства массовой информации и политики формируют общественное мнение с помощью определённых приёмов, тактик и стратегий. К тому же манипуляция играет не последнюю роль в межличностной коммуникации, порой заставляя нас менять не только свои намерения, но и совершать поступки, которые, казалось бы, противоречат нашим установкам.

Это лишь общие положения, находящиеся на поверхности, которые составляют актуальность исследования данной темы. Несмотря на то, что существуют специальные работы, рассматривающие манипуляцию с лингвистических позиций, они немногочисленны и обычно характеризуют только определённый временной срез или определённую тему. Особенностью же манипуляции нам представляется её гибкость, изменчивость и способность к адаптации к определённой ситуации в мире, что позволяет манипуляторам создавать и успешно использовать новые приёмы, тактики и стратегии. Стоит также отметить, что знание о манипуляции в лингвистическом аспекте не систематизировано, а за основу описаний берутся различные параметры, поэтому не существует единой формальной теории или классификации манипуляции.

Не следует забывать и о том, что манипуляция является мощным оружием информационно-психологической войны, способным нанести вред манипулируемым, а подчас и самим манипуляторам. В связи со сферой применения манипуляции, в основном, она рассматривалась как психологическое и политологическое понятие. Однако лингвистика видится как одна из научных парадигм, способных раскрыть новые стороны этого явления.

Наиболее подробными работами по лингвистической манипуляции являются работы «Манипулирование словом в средствах массовой информации» А. А. Даниловой и «Речевое манипулирование» Г. А. Копниной. Данилова рассматривает манипуляцию на всех уровнях языка, начиная уровнем слова и заканчивая уровнем предложения и текста. Автор

представляет референцию и композицию как две фундаментальные основы языкового воздействия [Данилова 2009: 43]. Однако манипуляция не ограничивается только ими, так как существуют и другие немаловажные лингвистические факторы, которые необходимо учитывать при манипуляции массовым сознанием.

Копнина рассматривает манипулятивные приёмы с точки зрения риторики, при этом отмечая, что риторический приём становится манипулятивным только в том случае, если он используется в этой функции автором высказывания в определённой ситуации, т.е. риторический приём в данном случае является прагматически обусловленным отклонением от нормы [Копнина 2007: 65]. Отсюда следует, что ситуативность играет главную роль в изучении манипуляции. На наш взгляд, для того, чтобы уяснить манипулятивность риторических приёмов в этом аспекте, при изучении манипуляции следует подключить стилистику.

Данные работы показывают, что на сегодняшний день важной представляется разработка нового подхода к манипулятивному воздействию с лингвистических позиций. В первую очередь, следует говорить о манипулятивном потенциале тех или иных языковых средств ввиду того, что письменный или устный текст есть продукт воплощения смысла автором, который проходит через процесс интерпретационной деятельности адресата, поэтому является трудным предсказать, насколько эффективной будет манипуляция по отношению к тому или иному адресату. К тому же не всегда ясна конкретная авторская интенция. Исходя из этого, следует сосредоточиться на том, что является потенциально манипулятивным в тексте автора.

Для достижения этой цели нам видится целесообразным решение об описании манипуляции при помощи подхода «от значения к форме» [Мустайоки 2010: 11], что вполне логично, учитывая то, что мы «чувствуем» манипулятивность на уровне семантики слова, предложения и текста, а не «видим» её на уровне формы.

Данные предпосылки формируют цель нашего исследования – описание языковых средств, используемых с целью манипуляции, при помощи теории функционального синтаксиса. Данный подход был выбран ввиду того, что он позволяет описать всевозможные языковые средства выражения определённого значения и различия между этими средствами, а также отразить несоответствия семантических и поверхностных структур при лингвистическом манипулировании.

Методика исследования предполагает отбор предложений и текстов, обладающих манипулятивным потенциалом и их анализ с позиций данной теории. Предметом исследования является лингвистическая манипуляция в дискурсе СМИ, тематика которого ограничена «детскими скандалами» за рубежом, связанными с русскими матерями.

В данном исследовании дискурс понимается как совокупность текстов, объединённых общей тематикой [Чернявская 2009: 144]. Следовательно, при рассмотрении дискурса наше внимание обращается также на интертекстуальные связи и на элементы, являющиеся общими для него.

Материалом исследования являются электронные версии статей газет «Аргументы и Факты», «Московский комсомолец», «Российская газета», «Комсомольская правда», Интернет-статьи сайтов mail.ru, lenta.ru. и russian.rt.com, а также новости и программы центральных телеканалов России, ориентированные на проблемы социальной защиты детей, имеющих русское гражданство, в Европе и в Финляндии, в частности.

По данным нашего исследования наиболее продуктивными группами средств, несущих манипулятивный потенциал, являются:

1) множественный семантический актант:

а) отражённый на поверхностном уровне в метонимии: ***Страна Суоми** теперь занимается откровенной уголовщиной на официальном уровне («АИФ» от 23.01.2013).* ***Общественность Суоми** сочувствует бывшему супругу Риммы и с одобрением относится к похищению Антона финскими дипломатами в 2009 году («Российская Газета» от 11.01.2011).* Семантическими актантами, которые имеют манипулятивный потенциал, являются «страна Суоми» как обозначение государственных структур Финляндии и «общественность Суоми» как обозначение людей, проживающих на территории Финляндии. В первом примере семантический предикат Социальной деятельности, выраженный конструкцией «заниматься+тв.п.+пр.п.», на поверхностном уровне включает в себя лексему с разговорным оттенком «уголовщина», которая имплицитно метафорическую модель «государство-преступность», характерную для российского медиадискурса, что формирует в сознании манипулируемого устойчивый отрицательный образ финских чиновников. Во втором примере автор подчёркивает, что проживающие в Финляндии одобряют похищение маленького ребёнка, что выражается структурой «с одобрением», которая относится к спецификатору образа и способа действия;

б) находящийся в структурах, содержащих Авторизацию: ***Обозреватели** отмечают, что в скандинавских странах ювёнальные службы ведут настоящую охоту за семьями иммигрантов из России («АИФ» от 25.10.2012).* ***Источники «РГ»,** знакомые с делом Салонен, считают, что Римма угодила в своеобразную ловушку, и ее могли заманить в Финляндию обманным путем, предварительно открыв дело о «незаконном вывозе» Антона в Россию из финского города Сторми в марте 2008 года («Российская Газета» от 02.08.2009).* В обоих примерах автор использует множественный семантический актант, без указания собственных имён на поверхностном уровне. Таким образом, невозможно

отследить, кем же являются данные обозреватели. Однако плюральность актанта делает высказывание более весомым, так как общее мнение нескольких людей кажется читателю более правдоподобным, чем мнение одного человека. Оба предложения представляют собой типичные примеры Авторизации, так как на семантическом уровне проявляется метаглагол «СЧИТАТЬ». Данный манипулятивный приём в лингвистической литературе называется введением неназванного эксперта [Данилова 2009: 127-130];

в) выраженный в обобщении: *«Понаехали тут», – часто жалуются **финны*** («Российская Газета» от 16.09.2009). *То, что **финские официальные представители** в своих действиях не брезгают самой махровой уголовщиной, стало известно не сегодня* («АИФ» от 23.01.2013). Данные примеры имеют в себе обобщение, так как автор использует множественные актанты «финны» и «финские официальные представители». Использование множественного актанта в первом примере подразумевает то, что это мнение является общим для финских граждан, а во втором – что все финские чиновники действуют вне рамок закона;

2) в рамках нескольких предложений – один и тот же семантический предикат, выражаемый на поверхностном уровне синтаксическими предикатами, имеющими различные коннотации, начиная нейтральными и заканчивая негативными, может приобретать манипулятивный потенциал. Сравните: *Как сообщил известный финский правозащитник Йохан Бекман, на сей раз финские органы опеки **отобрали** детей у россиянки Светланы Карелиной* («АИФ» от 23.01.2013). *Во вторник 2 октября должна состояться встреча российских дипломатов с соотработниками Финляндии — по делу россиянки Анастасии Завгородней, у которой финские соцслужбы **забрали** четырех детей* («Московский Комсомолец» от 01.10.2012). *Социальные службы Финляндии **отняли** у россиянки Анастасии Завгородней четырех детей, в том числе новорожденного* («АИФ» от 29.09.2012). *7 сентября из семьи **изъяли** шестилетнюю дочку и двухлетних двойняшек, а беременную Анастасию арестовали* («АИФ» от 29.09.2012). *Российская мать **лишилась** своих двойняшек – Артема и Сони* («АИФ» от 23.01.2012). *Женщину вторично насильно **разлучили** с ее четырьмя детьми, включая грудного младенца, — якобы по сомнительному обвинению в ненадлежащем исполнении родительских обязанностей со стороны «бдительных финских граждан»* («Московский Комсомолец» от 17.11.2012). Видимо, криминальный «героизм» дипломата вдохновил на подвиги и других облеченных властью финнов, которые ныне **украли** у матери Артема и Соню Карелиных («АИФ» от 23.01.2013). В статьях, посвящённых данной теме, журналисты используют различные языковые средства для обозначения фактов изъятия детей у матерей. Эти средства представляют собой как юридические формально принятые термины, так и эмоционально окрашенные лексемы, что

отражается в отборе глаголов с семантикой изменения и прекращения обладания. «Изъять» является стандартизованным глаголом для обозначения такого типа действий. При этом авторы также используют такие глаголы, как «забрать», «отобрать», «отнять», «лишиться», «разлучиться», «украсть». «Отобрать» и «отнять» ввиду семантики префикса «от-» предполагают значение удаления, устранения или разъединения кого-либо с кем-либо, что несёт бóльшую эмоциональную окрашенность, чем глагол «забрать», который наименее эмоционально окрашен. Глаголы «лишиться» и «разлучиться» являются частью конструкций, которые акцентируют внимание на семантическом объекте и его состоянии, вместо подачи информации о семантическом субъекте. В последнем примере сочетание актанта с погружением, представленного оксюмороном «криминальный героизм», и предиката интеллектуальной деятельности «вдохновить» в главном предложении несёт в себе значение манипулятивности. В придаточном предложении глагол «украли», являющийся на семантическом уровне предикатом, каузирующим необладание, даёт реципиенту понимание того, что действия, производимые «облечённых властью финнов» не могут квалифицироваться как законные.

Средства массовой информации имеют огромный арсенал манипулятивных приёмов, который увеличивается быстрыми темпами. Данная работа рассматривает манипулятивные приёмы, базирующиеся на использовании основных элементов семантических структур, то есть актанта и предиката. Однако манипуляция строится зачастую на их сочетании с дополнительными элементами, например, в случае сочетания множественного актанта и модификатора Авторизации. Наше исследование движется в направлении изучения и классификации данных сочетаний в рамках теории функционального синтаксиса и существующих теорий манипуляции.

Литература

Данилова, А. А. Манипулирование словом в средствах массовой информации. – М.: «Добросвет», «Издательство “КДУ”», 2009. – 234 с.

Копнина, Г. А. Речевое манипулирование : учеб. пособие. – М.: Флинта, 2007. – 176 с.

Мустайоки, А. Теория функционального синтаксиса: от семантических структур к языковым средствам. 2-е изд., стер. – М.: Языки славянской культуры 2010. – 512 с.

Чернявская, В. Е. Лингвистика текста: Поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность. Учебное пособие. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 248 с.